

ПОЛКОВЫЕ ИСТОРИИ И ЮБИЛЕЙНАЯ КАМПАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Чернов Павел Вячеславович

*соискатель, Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
pulsar.pvl@mail.ru*

REGIMENTAL STORIES AND ANNIVERSARY CAMPAIGN THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURIES

P. Chernov

Summary: An important feature of the political and social life of Russia in the last third of the XIX – beginning of the XX century was various kinds of anniversary campaigns. This period is also characterized by the publication of a large number of regimental stories, many of which were associated with the anniversaries of the creation of military units. The article assesses the mutual influence of these cultural phenomena, the great attention paid to them by the state and society.

Since the time of Nicholas I, activities to perpetuate the memory of the Patriotic War of 1812 have intensified, expressed in the installation of monuments and memorials, the organization of regimental museums and the collection of military rarities. Gradually, this direction of state, educational activities for the preservation of historical memory for posterity began to spread to other famous wars and battles. This initiative has found a response, both in individual communities and in the hearts of ordinary people.

This increased attention to the past of Russia, to the historical roots of various types of military corporations, was reflected, among other things, in the mass creation of regimental stories. The variety of publications, ranging from books of several pages to multi-volume folios, was due to the capabilities of military units and their importance in the hierarchy of regiments. Most of the published works were timed to coincide with significant, anniversary dates. And if this failed, persistent evidence was found that the regiment had deeper historical roots and could claim an earlier, even more significant anniversary.

Keywords: Russian Imperial Army. Anniversaries. Regimental histories of the XIX-XX centuries.

Аннотация: Важной чертой политической и общественной жизни России в последней трети XIX – начала XX стали разного рода юбилейные кампании. Этот период также характеризуется изданием большого числа полковых историй, многие из которых были связаны с годовщинами создания воинских частей. В статье оценивается взаимовлияние этих культурных явлений, большое внимание, которое уделяло им государство и общество.

Со времен Николая I, активизировалась деятельность по увековечиванию памяти об Отечественной войне 1812 г., выраженная в установке монументов и памятников, организации полковых музеев и коллекционированию военных раритетов. Постепенно это направление государственной, воспитательной деятельности по сохранению исторической памяти для потомков, стало распространяться и на другие знаменитые войны и сражения. Данная инициатива нашла отклик, как в отдельных сообществах, так и в сердцах обычных людей.

Это повышенное внимание к прошлому России, к историческим корням разного рода военных корпораций нашло свое отражение в том числе, в массовом создании полковых историй. Разнообразие изданий, начиная от книжек в несколько страниц, до многотомных фолиантов было обусловлено возможностями воинских подразделений и их значимостью в иерархии полков. Большинство изданных произведений приурочивали к знаменательным, юбилейным датам. А если это не удавалось, находили настойчивые доказательства того, что полк имел более глубокие исторические корни и мог претендовать на ранний, еще более значимый юбилей.

Ключевые слова: Российская императорская армия. Юбилеи. Полковые истории XIX-XX вв.

Вторая половина XIX – начало XX вв. было временем не только быстрого распространения знаний о прошлом, но и превращения истории в важный фактор культурной жизни. Речь идет о повышении значимости сведений, касающихся знаковых событий и фигур для формирования мировоззрения россиян, об использовании исторической аргументации в дискуссиях разного рода. Разного рода коммеморативные акции – установка памятников, празднование юбилеев привлекали больше внимания и превращались в важные явления государственной и общественной жизни, поскольку правительство и просвещенные слои населения осознавали ценность информации о былых успехах в разных сферах.

В силу развития политической культуры того времени и особенностей историографии, для которой социальные и экономические сюжеты не представляли особого интереса, внимание правительства сосредотачивалось на том, что могло повысить его авторитет в глазах подданных. Победоносные войны в таком случае оказывались наиболее удобным материалом.

Первые заметные шаги в этом направлении были сделаны еще в первой половине XIX века. Уже в царствование Николая I реализовывалась масштабная программа по увековечиванию памяти об Отечественной войне 1812 г. С размахом праздновалось в 1839 г. двадцатипятилетие вступления русских войск в Париж, было

возведено несколько памятников на местах важнейших сражений. В Москве и Петербурге были воздвигнуты триумфальные ворота, на Дворцовой площади в столице империи поставили Александровскую колонну [1, с.137–139].

Во второй половине XIX – начало XX вв. возведение памятников стало не только государственным делом. Отдельные сообщества выступали с инициативой возведения монументов, проводили необходимую организационную работу и собирали средства, иногда очень значительные. В 1902 г. в Ревеле (Таллине) силами специально созданного общественного комитета был установлен памятник экипажу броненосца «Русалка», погибшего в 1893 г. в Финском заливе [2, с.181–183].

Рис. 1. Памятник экипажу броненосца «Русалка» в Таллине

В канун столетия со дня сражения русско-грузинского отряда с горцами на реке Йори (7 ноября 1800 г.) офицеры Эриванского и Кабардинского полка приняли решение поставить памятник там, где сражались части, ставшие впоследствии основой для формирования названных полков. Осенью, 1 октября 1901 года на берегу Йори появился пятиметровый обелиск из серого камня, увенчанный крестом, попирающим полумесяц. На постаменте помещалось краткое описание битвы, имена ее главных участников и тех, кто установил монумент: «При благосклонном содействии командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта князя Г.С. Голицына, Эриванский Кабардинский полки своим доблестным предкам 1-го октября 1901 г.» [3, с.197]. Спустя столетие боя при Кобрине (15 июля 1812 г.) в этом городе заложили памятник, который был открыт через год, на средства собранные личным составом 38-й пехотной дивизии и 38-й артиллерийской бригады. На монументе были перечислены полки, участвовавшие в сражении, список трофеев и сведения о потерях. Кроме того, на обелиске имелась надпись: «Сооружен потомками героев Кобринской победы 15 июля 1912 года» [4]. «Полковые» памятники, появившиеся на Бородинском поле к 100-летию сражения 26 августа 1812 г. были созданы на средства жертвователей. Все эти общественные инициативы встречали полное одобрение со стороны властных структур всех уровней.

Последняя треть XIX и особенно начало XX вв. отмечено таким важным явлением армейской жизни как формирование музеев воинских частей. И здесь было notable сходство в организации самого процесса – смыкание инициатив отдельных просвещенных офицеров с решениями руководства Военного ведомства относительно создания коллекций реликвий, которые служили воспитанию личного состава. Вопросу о несомненной связи военных юбилеев и процессом формирования полковых музеев посвятил свою статью А.М. Кузнецов [5, с.56–61]. На то, что юбилеи 1870-80-х гг. фактически дали старт массовому коллекционированию полковых раритетов, указал в своей работе И.А. Якупов [6, с.159].

Это повышенное внимание к прошлому России, к историческим корням разного рода корпораций нашло свое отражение в том числе, в массовом создании полковых историй. Появление большинства таких книг было тем или иным образом связано с годовщинами формирования части. В ряде случаев это в различных редакционных формах обозначено уже на титульном листе, когда авторы считали важным сфокусировать внимание читателей на том, что труд, который они держат в руках, является частью празднования юбилея [7]. Также часто о связи между «достопамятной годовщиной» и выходом книги говорится в предисловии (посвящении) к ней или в заключении. «Столетие существования батальона вызвало необходимость составить историю его, дабы сохранить память о всех важнейших событиях и о всех выдающихся деятелях минувшего века его жизни» – написал автор работы о гвардейских саперах [8, с.II]. Штабс-капитан А. Рышков на первой странице истории Тарутинского пехотного полка указал, что в год публикации его труда исполняется сто лет (выделено курсивом!) учреждения Московского гарнизонного полка, от которого «произошла» в 1813 г. его родная часть [9, с.3]. Даже в тех довольно редких случаях, когда нет слов о юбилее, на титуле или на первых страницах, указанная связь просматривается в совпадении выхода книги с 50-летием или 100-летием появления полка в списках армии России [10]. Подготовка истории Пермского пехотного полка была поручено командованием штабс-капитану М.Н. Вахрушеву с пожеланием завершения работы к юбилею части, что и было исполнено [11, с.II].

Одним из нередких проявлений «юбилейного сознания» оказывались указания на то, что публикацию связывали с годовщиной принятия звания почетного шефа полка одним из членов царской фамилии. Так на первой «безымянной» странице истории Чугуевского драгунского полка указано, что особое счастье автор испытал от того, что сумел завершить работу к 25-летию со дня назначения августейшим шефом полка императрицы Марии Федоровны. Назначение было произведено в 1868 г. указом Александра II, которому императрица Мария Федоровна, будущая жена Александра III, а тогда

еще цесаревна Дагмар, приходилась невесткой [12].

Актуализация прошлого во второй половине XIX века проявилась в сокращении времени между событием и его юбилеем, что было совершенно нехарактерно для более ранних эпох. Так в 1887-1888 гг. по России прокатилась волна памятных мероприятий, посвященных 10-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг., а в 1892-1893 гг. вспомнили, что со времени боев на Дунае и на Шипке прошло 15 лет. Эти всплески внимания к недавней победной войне за освобождение славян стали важным поводом для написания десятков очерков, посвященных боевым действиями отдельных частей на Дунайском или на Кавказском театре военных действий [13]. Таким образом появлялся благовидный предлог для акцентирования внимания на воинских заслугах того или иного полка. Особенно это касалось частей, которые были сформированы во второй половине XIX века и в своей летописи еще не имели «славных страниц», подобно полкам, сражавшимся против шведов при Петре Великом или против турок под командованием А.В. Суворова.

В этом случае имел место эффект, который в обиходе получил название кумулятивный (несмотря на такое некорректное использование пиротехнического термина), когда два явления взаимно усиливают действие друг друга. Русско-турецкая война 1877-78 гг. в еще большей степени, чем война Крымская 1853-1856 гг. сопровождалась ожесточенной борьбой в информационном пространстве. На участников и современников военных действий обрушился вал корреспонденции, массовой публикации писем и мемуаров, официальных документов. Не заставили себя ждать также исторические исследования разного академического уровня. У потенциальных авторов полковых историй появился огромный корпус разнообразных источников, позволявших в самом комплиментарном виде представить историю части в период очередного противостояния Петербурга и Стамбула. Многие полковые истории заметно различались по характеру изложения событий «давно минувших дней» и тех, современники которых были еще живы. Объясняется это доступностью (сохранностью) архивных материалов, а также уже упоминавшейся вторичностью анализируемых публикаций. Их авторы располагали в большинстве случаев полковыми архивами, содержащими документы только последних десятилетий, что позволяло наполнять страницы полковых летописей разного рода конкретикой и живыми подробностями. В одних случаях авторы откровенно признаются в том, что документальными свидетельствами не располагают из-за отсутствия архивов, в других такого признания не требуется, поскольку невооруженным глазом видны заимствования из книг военных историков [14, с.333].

О «временах очаковских и покоренья Крыма» они

черпали сведения в основном из довольно узкого круга специальной литературы. Из-за этого, страницы разных полковых историй, посвященные войнам XVIII – начала XIX вв., бывают очень похожи друг на друга по содержанию и стилю [15, с.6–8].

Десятилетие, прошедшее после заключения мира в Сан-Стефано в 1878 г., маркировано сохранением внимания к прошедшей войне, что являлось стимулом для создания текстов, героизиовавших русскую армию. Приближавшиеся (и наступавшие) годовщины осады Плевны и Карса, других знаковых битв этой войны реанимировали интерес к ним, тем более что его удовлетворение оказывалось возможным благодаря обилию и доступности исторических источников. Именно сочетание богатой ретроспективной информации и все более прочной традиции отмечать годовщины событий в данном случае и позволяет говорить об их «кумулятивном эффекте».

Была еще одна веская причина создавать отдельные истории участия воинских частей в войне 1877-1878 гг. Благородный лозунг освобождения братьев-славян от турецкого ига повышал самооценку всех причастных к войне. Подвиги Бородино девальвации не подверглись, но слова «Шипка» и «Плевна» порождали более живые отклики. Поэтому даже те полки, боевые заслуги которых в эпохи Петра I, Екатерины II и Александра I, возносили их на вершину отечественной войной славы, считали для себя важным отметить 10-летие последней войны с турками специальным изданием [16].

Написание и бытование полковых историй после их публикации представляло собой очень важную и довольно специфическую часть исторических юбилеев. Прежде всего, их читатель мог детально ознакомиться с происходящим, будучи вовлечен в процесс коммеморации. При отсутствии в те времена иных способов распространения значительной по объему информации, конкуренция этим изданиям была по определению очень ограничена. Сами торжества проводились обычно в 1-2 дня, и только годовщины эпохальных событий растягивались на неделю, как это было в 1905 г. (пятидесятилетие осады Севастополя), 1909 г. (двухсотлетие Полтавы), в 1912 г. (столетие Отечественной войны 1812 г.) и 1913 (трехсотлетие Дома Романовых). Юбилейные речи и кантаты умолкали, исчезая из памяти слушателей. Даже памятники становились привычной и потому уже малозаметной частью городского пейзажа, а книги оставались жить в личных и общественных собраниях, пролонгируя тем самым ощущение важности памятной даты.

Следует помнить, что воинские части как в столицах, так и в провинциальных городах играли важную роль в культурной жизни, о чем существует богатая литература [17 с.91; 18]. Хотя доступ в офицерские собрания были ограниченным даже для «приличной публики», пол-

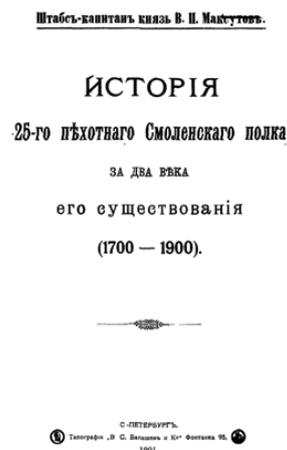

Рис. 2. Примеры полковых историй изданных в юбилейные года

ковые музеи и библиотеки оказывались доступными широкому кругу лиц [19, с.36–40]. Нет ни малейшего сомнения, что рассматриваемые издания были прочитаны большим числом россиян, никогда не носивших военного мундира.

Литераторы, историки, издатели безусловно реагировали на актуальность тех или иных событий, благодаря чему практиковался выход произведений «по случаю». Особого внимания заслуживает пример массового выпуска тематической литературы, приуроченной к Бородинским торжествам. Но полковые истории и здесь по самому своему характеру придавали постоянство напоминаниям о том, что принято называть «славными страницами».

Признаками особо острой актуализации событий прошлого являются празднования годовщин, которые не являются т.н. «круглыми», т.е. кратными 100-летию или 50-летию. В ряде случаев 25-летия оказывались важными датами по особым причинам. Так отмечались четверть века пребывания на троне Николая I и Александра II, поскольку по понятным причинам дожидаться полувекового юбилея такого события было бы не очень разумно. Тем не менее, существовало негласное «ранжирование» годовщин, согласно которому наиболее масштабные торжества устраивались тогда, когда от важного исторического события образовывалась дистанция, которая измерялась величинами, кратными веку или его половине. Это обстоятельство придавало еще большую значимость возрасту полка. Части с двухсотлетней историей претендовали на особое почтение о стороны тех полков, которые были на век, или даже на полтора века моложе. В полковых историях эта ситуация отразилась в настойчивых доказательствах того, что часть имела более глубокие исторические корни, чем считалось ранее. Поручики В. Борисов и А. Сыцянюк приложили немало

усилий, чтобы показать происхождение своей части от полков иноземного строя, учрежденных царем Алексеем Михайловичем еще в XVII столетии [14, с.4–8].

В военной истории России особое место занимала память о двух сражениях – при Полтаве 27 июня 1709 г. и при Бородино 26 августа 1812 г. В начале XX века двухсотлетие первой битвы и столетие второй отмечалось масштабными торжествами. Авторы почти всех полковых историй всеми возможными способами указывали на участие их частей в этих эпохальных событиях (когда полк уже был в списках армии) [10, с.117–120]. Авторы истории Казанского пехотного полка не нашли никаких других свидетельств об участии своих предков в битве с армией Карла XII кроме данных о потерях полка 27 июня 1709 г. Данные об убитых и раненых были представлены как «славная страница», как доказательство боевых заслуг [14, с.71–76].

Если же полк в этих боях не участвовал, то в большинстве случаев тому давались объяснения. В исторической хронике Углицкого пехотного полка отсутствие упоминаний об участии в Бородинской битве объясняется тем, что часть в 1812 г. находилась в Архангельске для защиты этого города от возможного нападения с моря [20, с.88]. 26 августа 1812 г. Пермский пехотный полк (тогда еще в виде 4-го егерского полка) находился в районе деревни Маслово для противодействия возможному обходу французами правого фланга армии Кутузова. В тот день егерям не пришлось участвовать в бою, тогда как почти все остальные части проливали кровь на защите Москвы.

В истории Отечественной войны 1812 г. между окончанием битвы при Бородино и оставлением Москвы либо «ничего не происходит», либо называются с минимальными подробностями арьергардные бои. В истории

Рис. 3. Лента на шапку «За Варшаву 25-26 августа 1831 года»

Пермского полка в связи с этим особое внимание уделено бою 29 августа у села Крымское с авангардом под командованием Мюрата. Потери пермцев (9 офицеров и 220 нижних чинов) в тот день были сопоставимы с уроном, понесенным многими частями на Багратионовых флешах или на батарее Раевского [11, с.101–104].

В тех случаях, когда создание полковой истории приходилось на время подготовки или празднования годовщины одного из этих славных событий, в текстах заметны характерные «юбилейные» мотивы. Штабс-капитан М.Н. Еленев, которому было поручено составление исторической хроники Углицкого пехотного полка, завершая работу в канун двухсотлетия Полтавской битвы, не обошел своим вниманием это обстоятельство [20, с.18].

О том, насколько важными были юбилейные мотивы в последней трети XIX века, свидетельствуют специальные «Расписания», где указывалось старшинство пехотных полков и стрелковых батальонов. Для каждого армейского полка был заполнен формуляр из трех колонок. В первой указывалось название полка на 1884 г., во второй – «старшинство со времени формирования полка». Обязательным являлось указание на дату, когда часть получала право на празднование 100-летнего или 200-летнего юбилея. Это – бесспорное свидетельство того, что годовщинам создания воинских частей придавалось очень важное значение. В третьей колонке указывались «знаки отличия, которые должны быть полку присвоены». Кроме того, очень часто к данным сведениям добавлялись указания, куда следует передать имеющиеся в полку регалии, и как полагалось оформлять надписи на знаменах для достижения единообразия. 12-й Великолукский пехотный полк, сформированный в 1811 г. из половины Дмитриевского гарнизонного полка, мог праздновать свой 200-летний юбилей 17 января 1911 г., считая при этом своими «боевыми предками» Павловский, Белокогодский и Кортаяцкий полки, составившие в 1711 г. гарнизон крепости Азов. Великолукцы имели Георгиевское знамя с надписью: «За Грeату 16 ноября 1877

года» и знаки на шапках «За Варшаву 25-26 августа 1831 года». Георгиевское знамя 3-го батальона с надписью: «За усмирение Польши в 1831 г.» и Георгиевскую трубу с надписью: «За отличие в течение кампании 1807 г. против французов» следовало передать во 2-й батальон Красноярского пехотного полка. На знаменных скобах Великолукского полка должны были появиться надписи, напоминавшие о вышеназванных частях Азовского гарнизона [21, с.474–475]. Все эти уточнения и перетасовки сопровождались повышением интереса к прошлому полков.

Таким образом, «юбилейный бум» последней трети XIX – начала XX вв. в России и массовое появление полковых историй – звенья одной цепи роста исторического самосознания. Государство и общество в данной области пришли к согласию в отношении важности прошлого в качестве политического и идеологического ресурса.

В воинских частях стала проявляться тенденция по демонстрации корпоративной, родовой и даже личной причастности к тем или иным знаменитым событиям и великим персонам прошлого эпохального времени. Летописцы полковых историй с неприкрытой одержимостью старались показать роль своих воинских частей и подразделений в знаменательных событиях уходящей эпохи. Старательно выявляли историческую связь своих полков с великими полководцами: А.В. Суворовым, М.И. Кутузовым, П.И. Багратионом и др.

Массовые публикации полковых историй способствовали нарастанию соперничества среди полков. Каждый из полков старался доказать или подтвердить свое старшинство в полковой иерархии. Поэтому, каждая изданная книга, а особенно в знаменательный юбилей, вкладывала в копилку этой борьбы свой исторический вклад, доказывая, что именно это подразделение, полк являются достойными продолжателями традиций своих предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышкин С.А. Памятники на полях сражений: проект 1835 года и его судьба // М.И. Кутузов и русская армия на 2 этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец. 1995. С. 137-139.
2. Лапин В.В. Броненосец «Русалка». Корабль. Экипаж. Флот. Трагедия. Памятник. СПб. 2018. 288 с.
3. Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог М. 2006. 432 с.: ил.
4. Русский инвалид. № 151. 17 июля 1913 г.
5. Кузнецов А.М. Военные музеи в императорской России // Военно-исторический журнал. М. 2007. №2, С. 56-61.
6. Якупов И.А. Музеи войсковых частей и полков русской императорской армии. Конец XIX – начало XX вв. (Разбор состава и экспозиции) // Военная история России XIX-XX веков. Материалы XIII международной военно-исторической конференции. СПб. 2020, С. 159.
7. 3-я Конно-артиллерийская батарея: Памятка к столетнему юбилею/ Сост. А. Андреев. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина - "Новое время", 1913. 54 с., 6 л. ил.; Еленев М.Н. Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за 200 лет его существования. 1708-1908. СПб.: Типо-лит. и переплет. Б.А. Букаты, 1909. 175 с.; Штакельберг К.К. Полтора века конной гвардии. 1739-1880. СПб.: Тип. В.Ф. Демакова, 1881. 272 с.
8. Ракин В.А. Исторический очерк столетней службы и быта гренадерских сапер и их предшественников-пионер, 1797-1897. СПб.: Тип. и лит. А.В. Тиханова, 1898. 425 с.
9. Рышков М.А. Очерки из истории 67-го пехотного Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка. СПб.: Типо-лит. инж. М.С. Персона, 1896. 96 с.
10. Гоувальт О.Х. История лейб-гвардии Павловского полка. 1726-1850. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1852. 298 с.; Соседко Ф.Д. История 72-го Пехотного Тульского полка. 1769-1901 г. Варшава.: Тип. «Земледельческой газеты», 1901. – 634 с.; Толстов В.Г. Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска: 1696-1896. Екатеринодар.: Тип. Кубанского областного правления, 1896. 44 с.;
11. Вахрушев М.Н. История 101-го Пермского пехотного полка. 1788-1797. СПб.: Тип. Е.А. Евдокимова, 1897. 403 с.
12. Хлебников Б.В. История 32-го Драгунского Чугуевского Её Величества полка (1613-1893). СПб.: Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1893. 212 с.
13. Рикман Л.П. Описание боевой жизни 44-го Драгунского Нижегородского Его Величества Короля Виртембергского полка в минувшую войну 1877-1878-го годов. Тифлис. 1885. 164 с.; Тальма А.О. Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк в кампанию 1877-1878 гг. Варшава.: Хромолит. М. Фаниса, 1880. 170 с.; Яновский К.А. 156-й пехотный Елисаветпольский генерала князя Цицианова полк во время Турецкой войны 1877-1878 гг. Тифлис.: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1897. 200 с.
14. Борисов В. Сыцанко А.И. Походы 64-го Казанского ЕИВ великого князя Михаила Николаевича полка. 1642-1700-1886. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1888. 836 с.
15. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб. 2008. 396 с.
16. Рикман Л.П. Описание боевой жизни 44-го драгунского Нижегородского Его величества Короля Виртембергского полка в минувшую войну 1877-1878 годов. Тифлис. 1885. 164 с.
17. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-XIX вв.). СПб.: Искусство – СПб, 1994. 194 с.
18. Дело чести. Быт русских офицеров. Составитель В. Богданова. М.: Родина, 2018. 494 с.: ил.
19. Спиридонова Т.П. Музеи войсковых частей в дореволюционной России (становление и историко-культурное значение). Дис. На соиск. Уч. Ст. канд. Ист. Наук. М. 2005. С.36-40.
20. Еленев М.Н. Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за 200 лет его существования. 1708-1908. СПб.: Типо-лит. и переплет. Б.А. Букаты, 1909. 175 с.;
21. Расписание 164 пехотных полков с указанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. СПб.: Военная Типография, 1884. 160 с.

© Чернов Павел Вячеславович (pulsar.pvl@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»